

ФИЛОСОФИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 5 (71). 2019. № 2. С. 3–13.

УДК 17.03

ПОНЯТИЕ МОРАЛИ (ПАРАДОКСЫ МОРАЛЬНОГО ДОБРА ИЛИ РОЛЬ НРАВСТВЕННЫХ ЧУВСТВ В МОРАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ)¹

Воеводин А. П.

г. Луганск.

E-mail: voevodin.47@mail.ru

Рассматривается проблема своеобразия морального регулирования в свете критики рационалистических концепций морали. В виду неустранимых противоречий панрационалистской традиции и антропоцентризма в этике в статье предлагается чувственно-эмоциональная и социоцентристская трактовка морального добра, моральной нормы и моральной регуляции. Вопреки субъективистскому пониманию морали, которое растворяет мораль во всех видах человеческой деятельности, в данной статье предмет морального регулирования ограничивается такими конфликтами интересов, разрешение которых происходит путем бескорыстного самопожертвования. Распознавание чужого интереса посредством уподобления и сопереживания индивида с помощью нравственных чувств и нравственного рассудка. Моральные чувство добра и зла вырастают из чувственного обобщения и эмоциональной абстракции утилитарно-эгоистического добра и зла и противопоставляются последним в процессе нахождения справедливой нормы – границы нравственного самопожертвования личным интересом в пользу чужого или общественного. Поэтому нравственные чувства индивидом осознаются как нравственные нормы, которые самостоятельно устанавливаются индивидом для каждого конкретного конфликта интересов при условии свободы морального выбора. В такой транскрипции моральный выбор понимается не как выбор в рамках традиционного противопоставления добра и зла, а как необходимое условие определения справедливой меры самопожертвования или установления/познания конкретной нравственной нормы внутри морального добра.

Ключевые слова: моральный интерес, моральная норма, моральное чувство, уподобление, сопереживание, моральная регуляция.

Цель статьи состоит в изложении концепции чувственно-эмоциональной специфики морали.

Что на самом деле регулирует мораль, каков подлинный предмет нравственного образа, что оценивают и выражают нравственные чувства, как они возникают и как действуют? Напомним, что люди движутся под действием интересов. Моральное

¹ Статья является теоретическим продолжением предыдущей публикации «Понятие морали (тупики этического рационализма)». Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. Том 5 (71). 2019. № 1. С. 3–12.

регулирование также имеет своей целью удовлетворение нравственных интересов, о чем упоминал еще Аристотель. Трудность состоит в том, чтобы правильно интерпретировать нравственный интерес. С внешней стороны (то есть, с точки зрения обыденного сознания) смысл нравственного интереса заключается в соблюдении нравственной нормы или в том, что с легкой руки Канта получило название «долженствования»: выполнить свой долг во имя долга. Однако при этом в стороне остается главный вопрос – *каково действительное социальное содержание нравственной нормы?* Что, например, скрывается за нравственным требованием «будь честным» или «помогай слабым»? Парадоксальная очевидность нравственной нормы состоит в том, что в отличие от правового, экономического, религиозного, грамматического и прочего долга *собственно нравственный долг требует от индивида удовлетворения не своего (личного, эгоистического), а чужого (общественного) интереса.*

Особенно ярко это обнаруживается в сравнении нравственной нормы и правовой. Правовая норма принудительно устанавливается в результате политических действий и является необходимым составным элементом политического управления обществом с помощью организованного насилия. Ее содержанием является защита и удовлетворение ключевых эгоистических интересов доминирующих слоев общества. Исполнение правовой нормы осуществляется принудительно и строится на основе применения государственного насилия: «закон мстит», «закон преследует». Государство в данном случае понимается как насильственно созданная и насильственно сохраняемая общность людей, создаваемая с целью принудительного перераспределения ресурсов в пользу интересов отдельных лиц и законодательного установления правил (форм) движения людей с целью асимметричного подчинения их удовлетворению основных интересов господствующего класса. В крылатом определении К. Маркса господство есть не что иное, как «способность одних людей мирно наслаждаться кровью и потом других», а конечная цель коммунистической идеологии состоит в уничтожении эксплуатации и государства и построении справедливого общества на нравственных началах.

Нравственная же норма имеет своей непосредственной целью удовлетворение общественного, то есть чужого интереса вопреки, а чаще всего – в ущерб личному интересу выполняющего нравственную норму индивида. Иначе говоря, если содержанием нравственной нормы является общественный интерес («Раньше думай о Родине, а потом о себе!»), то *суть нравственного интереса* индивида заключается в защите чужого (общественного) интереса за счет ограничения эгоистического интереса самого индивида, вплоть до своей высшей формы – трагического самопожертвования. Сказанное означает, что непосредственным содержанием нравственного образа и предметом моральной регуляции, как, впрочем, и предметом политико-правового регулирования, является *конфликт личных и общественных интересов*. Принципиальное отличие между ними заключается в способах разрешения конфликта. Если политико-правовое регулирование имеет своей целью разрешить конфликт путем захвата власти и удовлетворения частных или групповых эгоистических интересов посредством

насильственного подавления чужого (общественного) интереса и присвоения результатов чужого труда, то моральная регуляция разрешает конфликт путем добровольного самопожертвования индивидом своего интереса в пользу чужого (общественного) и, в отличие от мстительности закона, подкрепляется о-дobre-нием и благо-дар-ностью. Отсюда следует необходимое уточнение: если содержанием политического образа является только такой конфликт интересов, который разрешается в пользу эгоистического интереса индивида или политической группы лиц (класса) путем организованного (в лицемерной политической терминологии – «легитимного») применения насилия, то содержанием нравственного образа также является не любой конфликт интересов, а лишь такой, разрешение которого возможно преимущественно за счет бескорыстной жертвы личным интересом индивида в пользу общественного интереса. Образно говоря, мораль – это «голос общества в человеке», который бережет интересы других людей от самого человека.

В такой формулировке исследователя удивляет кажущаяся абсурдность нравственных норм: *требования морали противоречат личному интересу*. Разум требует поступать расчетливо, с выгодой для личного благополучия, а нравственная норма вопреки рациональной калькуляции требует отказа от личного счастья в пользу счастья других людей, общества в целом. Суть «золотого правила нравственности» как раз и заключается в императивном требовании соблюдения и защиты общественного интереса. Главная задача и основная функция морали, заключается в создании и реализации культурных механизмов обеспечивающих возможность добровольной жертвы личным интересом в пользу общественного, личным счастьем в пользу чужого благополучия. Поэтому *основная загадка этики* связана с объяснением парадоксальности нравственных норм и поиском ответа на вопрос: *как возможно самопожертвование?* Почему люди жертвуют личным счастьем в пользу общественного, как удается индивиду «наступить на горло собственной песне», отказаться от личного блага в пользу блага другого индивида, других людей, общества в целом? Обратной стороной этой загадки является еще более сложная проблема: если столкновения интересов всегда уникальны и единого правила для всех случаев их разрешения не существует, то *каким образом индивид определяет конкретную нравственную норму и как он узнает, когда, сколько и в какой форме нужно жертвовать?* Почему это его субъективное определение нормы парадоксальным образом претендует на статус общечеловеческой максимы, единственно возможного и абсолютно верного решения? Как индивид вообще может знать нравственные нормы, если не существует систематизированного справочника или свода нравственных норм для всех случаев жизни, а все исторические попытки их рациональной кодификации и описания в логических абстракциях в нравственной практике всегда оборачивались аморализмом, насилием и жестокостью в принудительном подчинении людей для их выполнения?

В такой постановке вопроса смысл нравственного познания принципиально отличается от того, что принято называть эпистемологическим познанием. Последнее нацелено на объективное познание устройства вещей и мира в целом. Его результаты излагаются в родовидовых схемах (таблицах, структурах, системах) действительности. Нравственное же познание аксиологично по своей сути, его

предметом является вовсе не устройство вещей как они существуют сами по себе, вне и не зависимо от человека, а *конфликт человеческих интересов* по поводу таких вещей или процессов (ценностей). Рефлексия последнего требует и адекватных средств его осознания. Поэтому определяющим элементом нравственного познания является умение индивида распознавать кроме своего собственного еще и чужие интересы. Как это происходит? С сожалением следует констатировать, что современная отечественная этика, озабоченная стремлением обрести статус «первой философии», не дает внятного объяснения конкретным механизмам нравственного познания, хотя и отмечает очевидный аксиологический характер нравственных норм.

Итак, для того чтобы осознать и разрешить нравственный конфликт, индивиду нужно, как минимум, *осознавать* (или ощущать, представлять) *свой и чужой* (общественный) интерес, а также предмет притязаний интересов, чтобы иметь возможность сравнить и оценить обоснованность, масштаб (величину) и справедливую границу размежевания интересов. Сложность состоит в том, что интересы, как психологические образы, предметно, в виде физически оформленных вещей не существуют, но являются составным побудительным элементом практического разума, психологическим органом, обеспечивающим целенаправленную деятельность индивидов. Ключевой вопрос здесь состоит в том, чтобы объяснить каким же образом индивид может знать (или ощущать) то, что находится не в его теле, а в психике иного организма, а тем более воспринимать чужое как свое? Каким образом «голос общества» существует в индивидуальном человеке? Следует признать, что в современной этической теории отсутствуют сколько-нибудь разработанные когнитивно-аксиологические или психологические схемы описания данного процесса. Но истории науки известны антропологические концепты шотландской школы в опытах сенсуалистической интерпретации нравственного познания.

Как мы уже отмечали ранее, о своих интересах люди узнают с помощью эмоций. Вслед за Д. Локком Д. Юм называл такой способ познания внутренней или «эмоциональной рефлексией». Поэтому естественно предположить, что чужие интересы мы также распознаем с помощью эмоций: «Согласно Шафтсбери, человек, видя поступки других, испытывает эмоции, например, благожелательности или сострадания. Посредством рефлексии, или рефлексивного чувства (*reflected sense*), эти эмоции, а также поступки, по поводу которых они возникают, становятся предметом ума (*mind*), благодаря чему возникает «эмоция другого вида», выражающаяся в одобрении или осуждении» [1, 176–177]. Нравственная интуиция, как, впрочем, и нравственное познание в целом, становятся возможными с развитием эмоций индивида и появлением способности к эмоциональному обобщению и «эмоциональной абстракции»², благодаря которой появляется возможность своеобразного «отвлечения» собственных эмоций индивида и «перенесения» их на поступки и мнения других людей.

² Подробнее об эмоциональной абстракции см. А. П. Воеводин. Эстетическая антропология. / Луганск: вид-во РВВ ДУВС ім. Є.О. Дідоренка, 2010. – 368 с.

Современные психологические модели «эмоционального интеллекта» представляются одним из вероятных способов объяснения способности индивида распознавать эмоции и интересы других индивидов [2]. В этой связи можно сослаться также на проведенные социобиологами исследования человеческого мозга, в которых было установлено, что «части коры головного мозга субъекта, которые задействованы в период занятости человеком вопросами морали, не формируют отдельную когнитивную подсистему. Зачастую в период решения задач морали задействуются области мозга локализирующие в себе нейронную сеть, отвечающую за представления субъектом о намерении других. В такой же мере задействуется нейронная сеть, отвечающая за представление индивидом эмоционального переживания других личностей. То есть во время решения моральных задач человек использует те участки своего мозга, которые соответствуют сопереживанию и эмпатии, это свидетельствует, что мораль направлена на развитие взаимопонимания субъектов между собой (умение индивида видеть вещи глазами другого субъекта, понимать его чувства и переживания)» [3]. Физиологической основой процессов нравственного познания чужих интересов может служить деятельность «зеркальных нейронов» [4; 5].

В эстетической антропологии процессы эстетического моделирования и познания эмоций исследуются посредством анализа специфических инструментов художественного познания: «вчувствования», «уподобления» и «сопереживания» [6, с. 258–260; 7 с. 246–247]. Нравственное познание эмоций не составляет исключения. Уподобление – сущностная характеристика субъекта, способность жить чужими интересами и двигаться по законам чуждых его телу вещей как по законам собственного тела. Показательными в этом плане являются детские и обучающие игры, театральные модели нравственных коллизий, познавательные эксперименты, любая профессионально-предметная деятельность. Кроме человека, ни одно другое живое существо не является субъектом. Однако уподобление само по себе, как элемент любого собственно человеческого целенаправленного действия, не является изначально нравственным и может быть использовано для обострения конфликта или во вред другим людям. В нравственном конфликте уподобление служит средством целесообразно-практического (ценностного) познания и представляет собой предварительно-отстраненный способ узнавания чужих интересов.

В нравственном конфликте уподобление – специфическая форма нравственного познания, это *психологическое моделирование возможных оценочных реакций других людей с целью получения информации об эмоциях (интересах), которые люди могут испытывать в результате моих действий*. Посредством уподобления («поставь себя на чужое место!») осуществляется возможность интуитивного или рассудочного узнавания предполагаемых эмоциональных реакций других индивидов, а, соответственно, интенсивности и направленности чужого интереса. Собственно «нравственное уподобление», а с ним и подлинно человеческое «сопереживание» как атрибутивная форма нравственного познания, появляются у индивида с возникновением нравственных чувств «добра» и «зла», которые в индивидуальной психике являются специфически моральным способом (инструментами) рефлексии «чужих» интересов.

Принципиальной теоретической ошибкой современной субъективистской этики является *неразличение личного (эгоистического) и чужого (нравственного) добра и зла*. Их отождествление исходит из первично-утилитарной аксиологической трактовки добра и зла как способа отнесения оцениваемой действительности к положительному или отрицательному полюсу в Картине мира. Целенаправленная деятельность человека строится в базальных границах аксиологической интерпретации вещей и событий. Поэтому изначальная характеристика «добра» как «блага» находится в плоскости практических оценок, в которых добро интерпретируется как наличие материальных и прочих ценностей, а зло – как их отсутствие или угроза их существованию (приобретению). В обывательском смысле мое личное добро – это то, чем я обладаю («нажитое добро», богатство, ресурсы, блага), а мое личное зло – это все то, что угрожает моему личному благополучию. Ориентированное на личную выгоду обыденное сознание не различает «добро-для-себя» и «добро-для-другого». Скорее нужно говорить о том, что «добро-для-другого» оценивается эгоистическим обывателем как конкурентная угроза существованию «добра-для-себя», а чужое добро как неиссякаемый источник зависти – мучительного страдания от неудовлетворенного желания обладать им. Теоретическое отождествление эгоистического и нравственного добра и зла выражается в ложной нравственной презумпции и аксиологического оправдания субъективизма в рационалистических доктринах этики «благоразумия», «разумного эгоизма», «утилитаризма». Тем самым субъективистское возведение утилитаристски и эгоистически понятого добра в ранг теоретической аксиомы является принципиальнейшей теоретической ошибкой, которая закрывает путь к пониманию подлинной сущности морального регулирования и способу определения (установления) моральной нормы как формы справедливого размежевания интересов, служит «теоретическим оправданием» эгоистически калькулируемых способов узнавания, сколько и в какой форме нужно жертвовать своим добром в пользу чужого, чтобы получить искомую выгоду (благо), да и нужно ли вообще жертвовать.

Субъективистская «зашоренность» теоретической этики эгоистически-обывательскими концептами добра и зла не позволяет увидеть, что в сознании нравственно вмняемого человека реально присутствуют *не одна, а две формы осознания добра и зла: два добра и два зла – эгоистическое (свое добро и зло) и нравственное (чужое добро и зло)*.

Первичными являются эгоистические формы. Ребенка изначально учат любить себя, различать удовольствие и неудовольствие, стремиться к удовольствию и избегать неудовольствия. Соответственно, первичные формы рефлексии, являются интуитивными ценностными образами и связаны с эмоциональным отнесением психологических образов к положительному или к отрицательному полюсу в индивидуальной картине мира. Эгоистический смысл добра зиждется на оценке удовлетворения личных интересов и состоит в удовольствии от удовлетворения личных интересов, либо в удовольствии от оценки предметного мира как способного к возможному удовлетворению личных интересов в будущем. Таким образом, сенсуалистически понятая интуиция добра изначально представляет собой

обобщенное эмоциональное состояние по поводу утилитарной оценки условий жизни индивида.

Нравственное же понимание добра (как чужого добра) формируется на основе утилитарно-эгоистического переживания чувства добра, является его дальнейшим развитием – эмоциональным обобщением и «эмоциональной абстракцией». Нравственный образ добра появляется вместе со способностью индивида различать свои и чужие интересы в процессе «переноса» личных эмоций на нужды чужого тела и установления условно-рефлекторной связи между чужим удовольствием (неудовольствием) и собственным удовольствием (неудовольствием). Педагогическим инструментом или социально культивируемым способом эмоционального обобщения и формирования такой связи служит «золотое правило» нравственности: «По отношению к другим людям поступай всегда так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе». Возникающее в процессе подобного «переноса эмоции» нравственное чувство *есть мое собственное, личное чувство, оно «живет во мне», но содержанием его являются не мои, а чужие интересы*, интересы чужого тела (общества).

Появление нравственного чувства является результатом эмоционального обобщения и эмоциональной абстракции личного блага в переживание блага как такового, как присущего всем блага и формирования на этой основе *способности индивида переживать чужие интересы как свои собственные*. В описываемом процессе «*нравственное уподобление*» трансформируется в «*сопереживание*», а с ним появляются и специфические «моральные образы» – *переживание чужого счастья или горя как своего собственного*, позволяющие индивиду осознавать нравственный смысл своего поведения. Из этого следует, что *содержанием морального образа* как «голоса общества в человеке» является *общественный интерес*, а формой его представленности в психике служит нравственное чувство.

Итак, исходными и простейшими моральными образами являются нравственные чувства добра и зла. Их парадоксальность состоит в том, что в отличие от утилитарно понятого эгоистического добра *нравственное чувство добра* представляет собой *удовольствие от удовлетворения не своего, а чужого интереса: радость при виде чужого благополучия*. Это удовольствие от самопожертвования, удовольствие, подобное тому, как это происходит в случае угощения, когда «мои конфеты ест другой». Соответственно, *нравственное чувство зла* также является эмоциональным обобщением и *абстракцией страдания* и, будучи «перенесенным» на других людей, парадоксальным образом обнаруживается как *страдание при виде чужой беды*. В отличие от порочности эгоистически окрашенной, испепеляющей душу мстительной злобности или самодовольно торжествующего злорадства, *нравственное чувство зла* является *положительным и добродетельным нравственным чувством*, без которого невозможно полноценное познание и представительство чужих интересов в психике индивида и, как следствие, нравственное сочувствие чужому горю, сострадание и самопожертвование. Незаменимое значение позитивного образа морального зла состоит в том, что в нравственном развитии человека *нравственное чувство зла* служит *исходным моментом в формировании чувства вины* (греховности) и в дальнейшем в

христианской культуре трансформируется в чувство *совести как страдания от зла, которое человек сам причинил кому-либо или может причинить*, а также является неустранимым составным элементом более сложных и высших нравственных состояний, таких как нравственная ответственность, долг, дружба, любовь, патриотизм, всех тех нравственных чувств, которые включают в свой состав сострадание к другим людям.

Появляясь в результате эмоционального обобщения и типизации, нравственные чувства добра и зла преодолевают врожденный зоологический индивидуализм и могут быть экстраполированы не только на конкретного близкого человека, детей, родителей, но и на более отдаленные сообщества людей, вплоть до общества в целом. Именно по этой причине мораль полагают наивысшей человеческой ценностью, в которой экзистенциально проявлена самая суть или смысл человеколюбия, гуманности и человечности как таковой. В отличие от иррационализма натуралистических «теорий врожденного нравственного чувства» в предлагаемой концепции нравственные чувства понимаются как культурно и общественно воспитываемые чувства, а этические категории добра и зла, как, впрочем, многие другие абстракции в сфере морали (совесть, долг, справедливость, равно как и пороки, зависть, ревность, тщеславие и пр.), рассматриваются как названия типичных нравственных чувств, соответствующих типичным ситуациям нравственной практики. Поэтому их исследование недоступно обычному теоретическому (эпистемологическому) анализу и нуждается в особом типе рациональной рефлексии – рассудительности или нравственном рассудке.

Понимание общественной природы нравственных чувств позволяет объяснить специфику моральной регуляции, которую нельзя сводить сугубо к рационально понятому долженствованию. Гуманистический смысл моральной регуляции состоит в установлении справедливого равенства интересов. Представляя в психике индивида чужие интересы, нравственные чувства позволяют индивиду сравнить их со своими желаниями и таким образом установить степень нуждаемости разных людей. *Суть моральной регуляции состоит в сопоставлении эгоистического ощущения добра и зла и нравственных чувств добра и зла с последующим «выравниванием» интересов путем самопожертвования «сильного» в пользу «слабого», более нуждающегося.* Это происходит не потому, что индивид рационально «приказывает себе» уступить другому и мучается, как полагал Кант, пытаясь выполнить свой долг во что бы то ни стало. Большой частью индивид *выполняет нравственную норму (долг) из сострадания и с удовлетворением*, приходящим на смену добровольному самопожертвованию как способу избавления от сострадания и завершающим нравственный поступок чувственной наградой, нравственным наслаждением. Это становится возможным потому, что нравственные чувства являются одновременно и средством нравственного познания (оценки), и средством стимуляции (принуждения) к действию. «Нравственная боль» побуждает индивида избавиться от страдания и уступить возможность удовлетворения интереса другому, более нуждающемуся человеку. По мере «затухания» нравственного страдания индивид прекращает оказывать помощь, и тем самым определяется нравственная норма или граница самопожертвования,

*граница справедливого размежевания интересов, которую невозможно было рационально определить заранее, до столкновения уникальных интересов, но которая претендует на общечеловеческую максимум и абсолютное признание.*³ Справедливость как нравственная норма представляет собой меру (границы), в рамках которой индивид может добровольно и безвозмездно поступиться личным интересом. Справедливый человек стремится разделить благо и ущерб таким образом, чтобы люди оказались в равном (но не обязательно в одинаковом) положении. *Справедливость как образ моральной нормы* осознается человеком в виде чувства удовлетворения при созерцании равенства интересов и в тоже время является социально контролируемым способом эффективного психологического «подкрепления» и эмоционального поощрения нравственного поведения.

Неустранимым условием выполнения нравственной нормы становится свобода морального выбора. Без свободы выбора невозможно самопожертвование, а выполнение требования долга превращается в социальную повинность или обязанность. Причем *ошибочно полагать, что моральный выбор – это выбор «между добром и злом», между моралью и не-моралью.* Человеку безнравственному нравственный выбор недоступен и ни к чему, поскольку он не находится в сфере морали. Нравственный же выбор делает только нравственно озабоченный человек и исключительно в сфере морали. *Суть нравственного выбора состоит в самостоятельном определении индивидом нравственной нормы, нормы добровольного самопожертвования – чего, сколько, когда, в какой форме нужно жертвовать.* В противном случае нравственное самопожертвование не состоится. Конечно, индивиды могут принудить к жертвованию, но в таком случае это будет уже не самостоятельное моральное, а традиционное, административно-правовое, религиозное либо иное регулирование. Как точно сказано поэтом, «обычай деспот меж людей». Вопреки обычаю и традиции, *мораль – это такой способ регулирования случайных конфликтов людей в обществе, который осуществляется путем добровольного самопожертвования и при непрременном условии свободы морального выбора.*

Таким образом, моральная регуляция – это преимущественно эмоциональная регуляция, которая, как всякая интуиция, допускает возможность субъективной ошибки в определении чужого интереса, а, следовательно, и в установлении справедливой границы (нормы) ущемления интересов. Кроме того, сложность ситуации иногда бывает не под силу ее правильной оценке нравственными чувствами. По мнению Аристотеля, «не всегда легко решить, что делать – отдать долг или выкупить отца из рабства?». Поэтому в сложных нравственных конфликтах, когда чувства не в состоянии определить меру самопожертвования, люди прибегают к особому способу рефлексии – рассудительности (*fronesis* – нравственный рассудок), которому невозможно научиться подобно научному (*episteme*) или практическому (*techne*) познанию. Специфика нравственного рассудка, его возможности и задачи в соотношении с нравственными чувствами как раз и представляют собой центральную задачу теоретической этики.

³ В интерпретации И. Канта человек в морали подчинен «только своему собственному и тем не менее всеобщему законодательству» [8, С. 274.].

Список литературы

1. Апресян Р. Г. Понятие морального чувства в этике Фрессиса Хатчесона (ранний период) / Этическая мысль. – 2015. – Т. 15. – № 1. – 358 с. URL: https://iphras.ru/em_15.htm
2. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 78–86. URL: <https://andreeva.by/emocionalnyj-intellekt-issledovaniya-fenomena.html>
3. Психология и психиатрия: Мораль. URL: <http://psihomed.com/moral/>
4. Якобони М. Отражаясь в людях. Почему мы понимаем друг друга. – М.: Юнайтед Пресс, 2011. – 311 с.
5. Зеркальные нейроны, эмпатия и эмоциональное заражение. URL: <http://psixologiya.org/differenczialnaya/psixofiziologiya/2230-zerkalnye-nejrony-empatiya-i-emocionalnoe-zarazhenie>
6. Еремеев А. Ф. Границы искусства. – М.: Искусство, 1987. – 319 с.
7. Воеводин А. П. Эстетическая антропология. – Луганск: РИО ЛГУВД им. Э. А. Дидоренко, 2010. – 368 с.
8. Кант И. Основы метафизики нравственности. // Кант И. Соч. в 6 т. – М.: Мысль, 1965. Т.4 (1)

Voevodin A. P. The concept of morality (paradoxes of moral good or the role of moral feelings in moral regulation // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 2. – P. 3–13.

The problem of originality of moral regulation in the light of criticism of rationalistic concepts of morality is considered. In view of the irrecoverable contradictions of the pan-nationalist tradition and anthropocentrism in ethics, the article proposes a sensual-emotional and sociocentric interpretation of moral goodness, moral norms and moral regulation. Contrary to the subjective understanding of morality, which dissolves morality in all human activities, in this article the subject of moral regulation is limited to such conflicts of interests, the resolution of which occurs through selfless sacrifice. Recognition of another's interest occurs through the likening and empathy of the individual with the help of moral feelings and moral reason. The moral sense of good and evil grow from sensual emotional generalization and abstraction to the utilitarian-egoistic good and evil are opposed and the latter in the process of finding an equitable rules - the boundaries of moral self-sacrifice personal interest in favor of another or public. Therefore, the moral feelings of the individual are recognized as moral norms, which are independently established by the individual for each specific conflict of interest, subject to the freedom of moral choice. In this transcription, moral choice is not understood as a choice within the framework of the traditional opposition of good and evil, but as a necessary condition for determining a fair measure of self-sacrifice or the establishment/knowledge of a specific moral norm within the moral good.

Keywords: moral interest, moral norm, moral feeling, likening, empathy, moral regulation.

References

1. Апресян Р. Г. Ponyatiye moralnogo chuvstva v etike Fresisa Khatchesona (ranniy period) [The Concept of Moral Sense in the Ethics of Fريسيس Hutcheson (Early Period)]. Eticheskaya mysl [Ethical Thought], 2015, Vol. 15, № 1, 358 p. URL: https://iphras.ru/em_15.html
2. Andreyeva I. N. Emotsional'nyy intellekt: issledovaniya fenomena [Emotional Intelligence: a Study of the Phenomenon]. Voprosy psikhologii [Psychology Issues], 2006, №3, P. 78-86. URL: <https://andreeva.by/emocionalnyj-intellekt-issledovaniya-fenomena.html>
3. Psikhologiya i psikhiatriya: Moral' [Psychology and Psychiatry: Morality]. URL: <http://psihomed.com/moral/>
4. Yakoboni M. Otrazhayas' v lyudyakh. Pochemu my ponimaem drug druga [Being Reflected in People. Why We Understand Each Other]. Moscow, Yunaited Press Publ., 2011, 311 p.

5. Zerkal'nye neirony, empatiya i emotsional'noe zarazhenie [Mirror Neurons, Empathy and Emotional Infection]. URL: <http://psixologiya.org/differenczialnaya/psixofiziologiya/2230-zerkalnye-nejrony-empatiya-i-emoczionalnoe-zarazhenie>
6. Yeremeyev A. F. Granitsy iskusstva [The Boundaries of Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987, 19 p.
7. Voyevodin A. P. Esteticheskaya antropologiya [Aesthetic Anthropology]. Lugansk, 2010, 368 p.
8. Kant I. Osnovy metafiziki npravstvennosti [Groundwork of the Metaphysic of Morals]. Moscow, Mysl' Publ., 1965, Vol. 4 (1)